

Книга II

ПЕРЕПУТЬЕ

5 июля — 6 сентября 1990 года

И звался наш корабль «Мэйфлауэр»,
И парус под луной сиял,
И в тот тревожный час недаром
Напев Америки звучал.
И как ни хорошо, но все ж
Удачу впрок не запасешь...

Пол Саймон

Рули в автокино, паркуйся — и вперед,
Туда, где гамбургеры жарят круглый год,
Пластинки крутятся, поет душа —
Ах, до чего ж я счастлив в США,
Чего ни захочу, найдется в США.

Чак Берри

Глава 43

Посреди Главной улицы города Мэй, штат Оклахома, лежал мертвец.

Ник не удивился. После ухода из Шойо он видел множество трупов и подозревал, что на глаза ему попалось не больше одной тысячной всех покойников, мимо которых он проезжал. В некоторых городах, через которые он проезжал, стоял такой сильный запах смерти, что Ник едва не лишился чувств. Одним трупом больше, одним меньше — никакой разницы он не видел.

Но когда мертвец сел, Ника охватил такой дикий страх, что велосипед вырвался из-под контроля. Наклонился, закачался и упал, сбросив Ника на мостовую оклахомского шоссе номер 3. Он ободрал ладони и лоб.

4 — Господи, мистер, да ты упал! — Мертвец уже направлялся к нему, благодушно пошатываясь. — Вот это да! Родные мои!

Ник ничего этого не услышал. Он смотрел на ту точку на мостовой между собственных рук, куда капала кровь со лба, и гадал, сильно ли поранился. Когда его плеча коснулась рука, он вспомнил про мертвеца и пополз в сторону, отталкиваясь от земли ладонями и подошвами ботинок, а его глаз, не прикрытый повязкой, сверкал от ужаса.

— Теперь ты ничего? — спросил мертвец, и Ник увидел, что перед ним вовсе не покойник, а молодой, радостно улыбающийся мужчина. В руке тот держал початую бутылку виски, и Ник наконец все понял. На дороге лежал не мертвец, а живой человек, который хватил лишнего и вырубился.

Ник кивнул и соединил в кольцо большой и указательный пальцы. В этот самый момент резко заболел глаз, едва не выдавленный Рэем Бутом: на него упала теплая капля крови со лба. Ник поднял повязку и указательным пальцем вытер кровь. Глаз этот теперь видел вроде бы чуть лучше, но если Ник закрывал здоровый глаз, мир превращался в расплывчатое цветное мельтешение. Он вернул повязку на место, медленно подошел к бордюрному камню, сел на него рядом с «плимутом» с канзасскими номерами, медленно оседавшим на полупустых шинах. Ник рассмотрел рану на лбу в отражении от хромированного бампера «плимута». Выглядела она жутко, но, судя по всему, он лишь содрал кожу. Значит, предстояло найти аптеку, продезинфицировать рану и заклеить пластырем. Ник полагал, что в его организме достаточно пенициллина, чтобы справиться с любой инфекцией, однако слишком хорошо помнил, сколько хлопот доставила ему вроде бы царапина от пули, и не хотел повторения пройденного. Страхивая с ладоней прилипшие к ним маленькие камушки, он поморщился от боли.

Мужчина с бутылкой наблюдал за всем этим с бесстрастным лицом. Если бы Ник поднял голову, такое поведение сразу показалось бы ему странным. Когда он повернулся к бамперу, чтобы рассмотреть свое отражение, лицо мужчины напрочь лишилось мимики, стало пустым и гладким, освободившись и от эмоций, и от морщин. Ростом он был пять футов девять дюймов, носил комбинезон и тяжелые высокие ботинки. Ярко-синие глаза и соломенные волосы выдавали шведское или норвежское происхождение. Выглядел мужчина лет на двадцать с небольшим, но, как позднее выяснил Ник, на самом деле ему было лет сорок пять, потому что он помнил окончание Корейской войны и возвращение отца в военной форме месяцем позже. Вопросы о том, что он все это выдумал, не возникло. Том Каллен ничего выдумать не мог.

Он так и стоял с бесстрастным лицом, словно робот, отключенный от источника энергии. Потом, мало-помалу, лицо начало оживать. Заблестели покрасневшие от виски глаза. Он улыбнулся. Вновь вспомнил, что случилось.

— Господи, мистер, да ты упал. Так ведь? Мои родные! — Он моргнул, глядя на залитый кровью лоб Ника.

Ник достал из кармана рубашки блокнот и ручку «Бик», которые не выпали из кармана при падении. Написал: *Вы меня напугали. Думал, что вы мертвый, пока вы не сели. Я в порядке. В городе есть аптека?*

Он протянул блокнот мужчине в комбинезоне, и тот взял его. Посмотрел на написанное. Вернул блокнот. Улыбнулся.

— Я Том Каллен. Но я не умею читать. Доучился только до третьего класса, но мне уже исполнилось шестнадцать, и папа заставил меня уйти из школы. Сказал, что я слишком большой.

«Умственно отсталый, — подумал Ник. — Я не могу говорить, а он не может читать». На секунду он пришел в полное замешательство.

6 — Господи, мистер, да ты упал! — воскликнул Том Каллен. И в каком-то смысле эти слова прозвучали впервые для них обоих. — Так ведь? Мои родные!

Ник кивнул. Сунул в карман ручку и блокнот. Прикрыл рукой рот и покачал головой. Сложил руки лодочками, накрыл уши и покачал головой. Прижал к шее ладонь левой руки и покачал головой.

Каллен в недоумении улыбался.

— Болит зуб? У меня такое однажды было. Ей-ей, это больно. Так ведь? Мои родные!

Ник покачал головой и вновь обратился к языку жестов. На этот раз Каллен решил, что у Ника болит ухо. Ник вскинул руки и подошел к велосипеду. Краска кое-где поцарапалась, но обошлось без серьезной поломки. Ник сел на велосипед и проехал чуть вперед. Да, никаких поломок. Каллен бежал рядом, радостно улыбаясь. Его глаза не отрывались от Ника. Он почти неделю никого не видел.

— Не хочешь поговорить? — спросил он, но Ник на него не смотрел и, похоже, не услышал. Том дернул Ника за рукав и повторил вопрос.

Человек на велосипеде приложил руку ко рту и покачал головой. Том нахмурился. Теперь человек устанавил велосипед на подставку и оглядывал вывески магазинов. Вроде бы увидел, что искал, потому что прошел на тротуар, а потом к аптечному магазину мистера Нортонна. Если он хотел попасть в аптечный магазин, то ему не повезло, потому что магазин не работал, а мистер Нортон уехал из города. Похоже, почти все заперли двери и уехали из города, за исключением мамы и ее подруги миссис Блейкли, потому что они умерли.

Теперь этот неговорящий человек пытался открыть дверь. Том мог бы сказать ему, что толку не будет, не смотря на табличку «ОТКРЫТО» на двери. Табличка «ОТКРЫТО» врала. Просто беда, потому что Том очень любил крем-соду со льдом. Куда лучше виски, от которого сна-

чала ему становилось хорошо, потом тянуло в сон, а в конце концов голова раскалывалась от боли. Он укладывался спать, чтобы избавиться от головной боли, но ему снилось множество безумных снов о человеке в черном одеянии, вроде того, что носил преподобный Дайффенбейкер. Во снах человек в черном одеянии гонялся за ним. И Тому представлялось, что это очень плохой человек. Пить он начал в первую очередь потому, что этого делать не следовало. Так ему говорил папа, так говорила мама, но теперь они все ушли, и что? Он мог делать все, что захочет.

Но чем это занимался неговорящий человек? Поднял урну для мусора и собрался... что? Разбить окно мистера Нортонна? ДЗЫНЬ! Клянусь Богом и дьяволом, он так и сделал. А теперь сунул руку в дыру, открыл дверь...

— Эй, мистер, этого нельзя делать! — Голос Тома дрожал от негодования и волнения. — Это незаконно! Не-законно! Разве ты не знаешь...

Но человек уже вошел в аптеку, ни разу не оглянувшись.

— Ты что, глухой? — возмущенно крикнул Том. — Родные мои! Ты... — Лицо Тома вновь лишилось мимики, на нем больше не отражалось никаких эмоций. Он опять стал роботом с отключенным источником питания. В Мэе Недоумка Тома таким видели часто. Он мог идти по улице, разглядывая витрины с выражением веземного счастья на круглом скандинавском лице, потом внезапно останавливался как вкопанный, и его лицо превращалось в застывшую маску. Частенько кто-нибудь кричал: «Том в ауте!» — и все смеялись. Если компанию Тому составлял отец, он хмурился и тыкал Тома локтем или даже хлопал по плечу или спине, пока Том не возвращался к жизни. Но отец Тома с начала тысяча девятьсот восемьдесят пятого года стал проводить с ним все меньше и меньше времени, потому что спутался с рыжеволосой официанткой, которая работала в «Баре и гриле Бумерса». Ее звали Ди-Ди Пэкалотт

8 (и имя это вызывало немало шуток*). А где-то год назад они с Доном Калленом сбежали из города. Парочку видели лишь однажды, в дешевом отеле неподалеку, в Слэпауте, штат Оклахома, после чего их след затерялся.

Большинство воспринимало внезапные «отключения» Тома как признак нарастающего слабоумия, однако на самом деле в эти короткие периоды он мог мыслить почти как нормальный человек. Процесс нашего мышления основывается (так, во всяком случае, утверждают психологи) на дедукции и индукции, но умственно отсталый человек не способен на эти дедуктивные или индуктивные переходы. Где-то внутри порваны провода, закорочены цепи, сломаны переключатели. Том Каллен страдал умеренной умственной отсталостью и мог делать самые простые умозаключения. А иногда — когда «отключался» — обретал способность находить и более сложные индуктивные или дедуктивные связи. Он чувствовал возможность найти такую связь, как нормальный человек чувствует некое слово или имя, которое вертится «на самом кончике языка». Когда подобное случалось, Том отсекал окружающий мир, который, по существу, являл собой дискретный поток информации от органов чувств, и уходил в себя. Превращался в человека в темной комнате, который держит в руке штепсель настольной лампы и ползает по полу, натывается на мебель, а свободной рукой ищет электрическую розетку. И если находит ее — что случалось не всегда, — вспыхивает яркий свет, и он ясно видит комнату (или мысль). Том жил чувствами. Список того, что ему нравилось, включал вкус крем-сода со льдом в аптечном магазине мистера Нортона, вид красивой девушки в коротком платье, которая стоит на перекрестке в ожидании зеленого света, чтобы перейти улицу, запах лилий, ощущение шелка. Но больше всего он любил нечто нематери-

---

* Имя официантки DeeDee — от deaf and dumb — глухонемой (англ.). — *Здесь и далее примеч. пер.*

альное, любил тот момент, когда находилась эта связь, когда переключатель срабатывал должным образом (хотя бы на мгновение) и свет заливал темную комнату. Такое случалось не всегда; очень часто связь найти не удавалось. На этот раз удалось.

Он крикнул: *Ты что, глухой?*

Человек вел себя так, словно не слышал, что говорил Том, за исключением тех случаев, когда смотрел на него. И этот человек не сказал ему ни слова, даже не поздоровался. Иногда люди не отвечали Тому, когда он задавал вопросы: что-то в выражении его лица выдавало слабоумие. Но обычно человек, который не отвечал, выглядел злым, печальным или просто краснел. А этот мужчина вел себя иначе. Он показал Тому кольцо, образованное большим и указательным пальцами, и Том знал значение этого жеста: все, мол, тип-топ! — но все равно не заговорил с ним.

Руки, накрывшие уши, и покачивание головы.

Рука, поднесенная ко рту, и покачивание головы.

Рука, прижатая к шее, и покачивание головы.

Комната осветилась: возникла связь.

— Родные мои! — воскликнул Том, и лицо его вновь ожило. Налитые кровью глаза вспыхнули.

Он поспешил в аптечный магазин мистера Нортон, забыв, что входить в него незаконно. Неговорящий человек выплескивал что-то пахнущее, наподобие бактина*, на вату, а потом протирал ею лоб.

— Эй, мистер! — Том подбежал к нему. Неговорящий человек не обернулся. Том на мгновение удивился, как такое может быть, потом вспомнил. Похлопал Ника по плечу, и Ник повернулся к нему. — Ты глухонемой, так? Не можешь слышать! Не можешь говорить! Так?

Ник кивнул. И его, конечно же, потрясла реакция Тома. Тот запрыгал и захлопал в ладоши.

— Я додумался! Какой я молодец! Я сам до этого додумался! Какой Том Каллен молодец!

---

* Бактин — дезинфицирующее и обезболивающее средство.

Ник улыбнулся. Он не мог вспомнить, чтобы его физический недостаток когда-либо доставлял кому-то такую радость.

Перед зданием суда располагался небольшой сквер, и его украшала статуя морского пехотинца в форме и при оружии времен Второй мировой войны. На табличке значилось, что монумент поставлен в честь парней из округа Харпер, которые «ПОЖЕРТВОВАЛИ СОБОЙ РАДИ СВОЕЙ СТРАНЫ». В тени этого памятника и сидели Ник Эндрос и Том Каллен, ели андервудовские* паштеты «Свиной с пряностями» и «Куриный с пряностями», намазывая на картофельные чипсы. Две перекрещенные полоски пластыря залепляли лоб Ника над левым глазом. Он считывал слова с губ Тома (не без труда, потому что Том говорил и жевал одновременно) и думал о том, что ему чертовски надоело есть консервы. А что бы он съел с удовольствием, так это бифштекс с полноценным гарниром.

С того момента, как они принялись за еду, Том говорил без умолку. Часто повторялся, то и дело вплетал в повествование «Родные мои!» и «Так ведь?». Ник не возражал. До встречи с Томом он не осознавал, как же ему недоставало других людей. В глубине души он даже боялся, что остался один-одинешенек на всей Земле. В какой-то момент ему в голову пришла мысль, что болезнь убила всех, кроме глухонемых. Теперь, думал он, улыбаясь про себя, можно рассмотреть другой вариант: болезнь убила всех, кроме глухонемых и умственно отсталых. Идея эта, столь забавная в два часа пополудни под ярким летним солнцем, вернется к нему ночью — и уже не покажется смешной.

Его интересовало мнение Тома о том, куда подевались все люди. Он уже знал историю о папе Тома, который сбежал с официанткой пару лет тому назад, и о том,

---

* «Андервуд» — один из брендов известной американской корпорации «Би энд джи фудс».

что Том работал на ферме Норбатта, и о том, как двумя годами ранее мистер Норбатт решил, что он «достаточно хорошо справляется», чтобы доверить ему топор, и о том, как однажды ночью на Тома набросились «большие парни», Том сражался с ними, пока «они все чуть не умерли, а одного я отправил в больницу с переломанными костями, с переломанными, вот что сделал Том Каллен». Узнал Ник и о том, как Том нашел мать в доме миссис Блейкли, обе лежали в гостининой мертвые, и Том оттуда ушел. По словам Тома, Иисус не приходил и не забирал тела на небо в присутствии живых. Ник отметил, что Том считал Иисуса Санта-Клаусом наоборот: он утаскивал мертвых через печную трубу вверх, вместо того чтобы приносить подарки вниз. Но Том ничего не сказал о полном отсутствии жителей в городе Мэй, как и о пустынном шоссе, пересекавшем город, по которому никто и ничто не двигалось.

Он надавил руками на грудь Тома, останавливая поток слов.

— Что? — спросил Том.

Ник широким взмахом руки обвел дома в центральной части города. Изобразил удивление, изогнул бровь, наклонил голову набок, почесал затылок. Потом пальцами изобразил шагающие движения и вопросительно посмотрел на Тома.

Увиденное его испугало. Том застыл, лицо превратилось в маску, глаза, мгновением раньше сверкавшие всем тем, что он собирался рассказать, теперь напомнили тусклые синие камушки. Челюсть отвисла, и Ник видел размокшие кусочки картофельных чипсов, прилипшие к языку. Руки плетью лежали на коленях.

В тревоге Ник потянулся, чтобы коснуться Тома, но тут его тело дернулось. Веки дрогнули, жизнь влилась в глаза, словно вода, наполняющая ведро. Том заулыбался. Чтобы объяснить происходящее с ним, не требовалось пузыря над головой (как в комиксах) со словом «ЭВРИКА!».

— Ты хочешь знать, куда ушли все люди? — воскликнул Том.

Ник энергично кивнул.

— Что ж, думаю, они уехали в Канзас-Сити, — ответил Том. — Родные мои, да. Все всегда говорили о том, чтобы уехать из такого маленького города, как этот. Здесь ничего нет. Никаких развлечений. Даже роликовый каток закрылся. Ничего нет, кроме автокино, а там показывают только всякую ерунду. Моя мама всегда говорит, что люди уходят, но не возвращаются. Как мой отец, он убежал с официанткой из кафе Бумерса, ее звали Ди-Ди Пэкалотт. Вот я и думаю, что всем тут надоело и они одновременно ушли. Вероятно, в Канзас-Сити, родные мои, так ведь? Наверняка туда. Кроме миссис Блейкли и моей мамы. Иисус собирается забрать их наверх на небеса, чтобы качать в вечных объятиях.

И Том продолжил свой монолог.

«Ушли в Канзас-Сити, — подумал Ник. — Что ж, может, и так. Все покинули эту бедную трагическую планету по воле Господа и теперь либо покачиваются в Его объятиях, либо обустраиваются на новом месте в Канзас-Сити».

Он привалился спиной к постаменту, его веки то опускались, то поднимались, и слова Тома превращались в визуальный эквивалент современного стихотворения, без заглавных букв, в стиле э. э. каммингса*:

мама сказала
так ведь
но я сказал им я сказал вам лучше
не связывайтесь

Дурные сны замучили его в прошлую ночь, которую он провел в амбаре, и теперь, на полный желудок, ему больше всего хотелось...

---

* э. э. каммингс (1894—1962, настоящее имя — Каммингс, Эдвард Эстлин) — американский поэт, отказавшийся в своем творчестве от многих грамматических норм, знаков препинания, заглавных букв и прочих «условностей».

Ник заснул.

Проснувшись и еще не полностью придя в себя, как бывает, когда крепко засыпаешь ясным днем, Ник удивился тому, что вспотел. Сев, он все понял. Часы показывали без четверти пять. Он проспал больше двух с половиной часов, и солнце, переместившись, выглядывало из-за памятника, освещая его. Но этим дело не ограничилось. Том Каллен в порыве заботливости укрыл Ника, чтобы тот не простудился. Двумя одеялами и стеганым покрывалом.

Ник отбросил их в сторону, встал, потянулся. Тома видно не было. Ник направился к выходу на центральную площадь, гадая, что ему делать — и нужно ли что-либо делать — с Томом. Слабоумный парень питался в универсаме «Эй-энд-пи», расположенном в дальнем конце городской площади. Не испытывал ни малейших угрызений совести, когда заходил туда и выбирал съестное по картинкам на баночных этикетках, потому что, по его словам, дверь супермаркета была открыта.

Ник задался вопросом, а как бы поступил Том, если бы дверь заперли, и предположил, что, основательно проголодавшись, он бы забыл про строгие моральные принципы или чуть отодвинул их в сторону. Но что станет с ним, когда еда закончится?

Еще сильнее Ника тревожило другое. Трогательная радость, с которой этот человек его встретил. Да, Том был умственно отсталым, но не настолько, чтобы не почувствовать одиночества. Мать Тома и женщина, которая приходилась ему теткой со стороны отца, умерли. Отец давно сбежал. Работодатель, мистер Норбатт, и все остальные жители Мэя однажды ночью свалили в Канзас-Сити, пока Том спал, оставив его бродить взад-вперед по Главной улице, как неприкаянного призрака. И он начал делать то, чего делать ему не следовало, —

14 скажем, пить виски. Напившись снова, он мог причинить себе вред. А если он причинит себе вред и рядом не окажется человека, который ему поможет, он скорее всего умрет.

Но... глухонемой и умственно отсталый? Сумеют ли они чем-то помочь друг другу? Человек, который не может говорить, и человек, который не может думать. Нет, это несправедливо. Немного думать Том мог, но он не умел читать, и Ник понимал, что вскоре устанет играть в шарады с Томом Калленом. Том — тот не устанет. Родные мои, конечно же, нет.

Ник остановился на тротуаре у выхода из сквера, сунув руки в карманы. «Ладно, — решил он, — я могу провести с ним ночь. Одна ночь значения не имеет. Зато приготовлю ему сносный ужин».

Подбодренный этой мыслью, он отправился на поиски Тома.

В ту ночь Ник спал в сквере. Где спал Том, он не знал, но, проснувшись утром, с чуть влажными от росы волосами, а в остальном в полном здравии, и выйдя на площадь, первым делом увидел Тома, который играл с автомобильными моделями «Корги» и большой пластмассовой автозаправочной станцией «Тексако».

Должно быть, Том решил, что можно вламываться в любой магазин, раз уж взлом «Аптечного магазина Нортон» не вызвал ни у кого никаких возражений. Он сидел на тротуаре у «Центовки»*, спиной к Нику. Перед ним выстроились порядка сорока игрушечных автомобилей. Тут же лежала отвертка, которой он воспользовался, чтобы разбить витрину. Том отдал предпочтение «ягуарам», «мерседесам», «роллс-ройсам», взял выполненную в масштабе модель «бентли» с длинным лаймово-зеленым капотом, «ламборгини», «корд», четырехдюймовый «пontiак-бонневилл», изготовленный по индивидуальному заказу, «корвет», «мазерати» и — не

---

* «Центовка» — магазин товаров повседневного спроса.

покидай нас, Господи, и защити нас — «мун» 15
модели тысяча девятьсот тридцать третьего года.

Нависнув над машинками, Том завозил их в гараж, вывозил оттуда, заправлял на бензоколонке. Один из подъемников автомастерской работал, и на глазах Ника Том несколько раз поднимал на нем автомобили, делая вид, будто что-то ремонтирует. Не будь Ник глухим, он бы услышал в почти абсолютной тишине звуки работающего воображения Тома Каллена: «бр-р-р-р», когда автомобили заезжали на асфальт от «Фишер-прайс», «чк-чк-чк-динь» бензонасоса, «с-с-с-ш-ш-ш-ш» подъемника. Услышал бы он и обрывки разговоров между хозяином автозаправочной станции и маленькими людьми из маленьких автомобильчиков: *Каким заправлять, сэр? Стандартным? Нет проблем! Позвольте мне протереть лобовое стекло, мэ. Я думаю, проблема с карбюратором. Давайте поднимем вашу крошку и поглядим, что с ней не так. Туалеты? Само собой. По правой стене.*

А над ними, над этим маленьким клочком Оклахомы, простираясь на многие мили во все стороны, синело Божье небо.

Ник подумал: *Я не могу оставить его. Не могу этого сделать.* И внезапно на него навалилась неизвестно откуда взявшаяся грусть, такая острая, что он едва не заплакал.

Они уехали в Канзас-Сити, подумал он. *Вот что произошло. Они все уехали в Канзас-Сити.*

Ник пересек мостовую и похлопал Тома по руке. Том подпрыгнул и оглянулся. Широкая виноватая улыбка растянула его губы, от шеи начала подниматься краска, заливая лицо.

— Я знаю, это для маленьких мальчиков, а не для взрослых мужчин. Я знаю, да, конечно, папа мне говорил.

Ник пожал плечами, развел руки. На лице Тома отразилось облегчение.

— Теперь они мои. Мои, если я захочу. Если тебе можно заходить в аптечный магазин и брать что-то, значит, мне можно заходить в «Центовку» и брать что-то.